

Пехотинцы Петухов, Исмагилов и Тимофеев оказались за линией фронта, на земле, занятой врагом. Случилось это так. После тяжёлого боя их часть отступила за реку. Они же приказа об отходе не слышали — такой грохот стоял на поле боя. И ещё одно помешало: тяжело ранило Тимофеева. Осколки мины впились ему в голову и в ногу. Исмагилов и Петухов, перевязывая товарища, проглядели, как ушла рота.

Было это вечером. Немецкие автоматчики пробежали по полю и в сумерках не заметили их.

На ночь пехотинцы укрылись в ближнем лесу. Утром двинулись в путь.

Трое пехотинцев шли по тихой земле. Не было вокруг ни своих, ни чужих. В небе светило солнце, пели по кустам птицы, а кузнечики в траве пиликали с таким звоном, словно был у них праздник.

Шли-то не трое, а двое — Исмагилов и Петухов, а Тимофеев лежал на самодельных носилках. Рядом с ним по бокам лежали две винтовки. Третью, тимофеевскую, бросили: её приклад всё той же миной разбило в щепки и она не годилась для боя.

Солдаты шли на восток, к реке, и несли туда раненого. Там фронт, а по ту сторону фронта был госпиталь, была их рота. Ночью восточный край неба полыхал зарницами, как в грозу. Это вылетал огонь из далёких орудий. А сейчас, днём, с той стороны доносилось глухое погромыхивание.

— Слушай, — вдруг сказал Исмагилов Петухову, — что-то и позади нас гремит?

Они прислушались. Гул на дороге с каждой секундой становился всё громче.

Торопясь, стараясь не трясти носилки, они сошли с просёлка, укрылись в придорожном дубовом кусту.

Скоро они увидели и преследователя. Их нагоняла танкетка — машина, похожая на танк, только маленькая, с пулемётом.

Танкетка была своя, советская, но кто сидел в ней? А вдруг враги? Пехотинцы не знали, что им делать: скрываться по-прежнему или выйти на дорогу?

Не доезжая до куста, танкетка остановилась. Мотор перестал тарахтеть, наверху открылся люк, и раздался, как из бочки, голос:

— Братки! Не стреляйте!..

— Мы свои, свои! — закричали в один голос Петухов и Исмагилов и кинулись на дорогу.

Они очень обрадовались.

Теперь, когда с ними танкетка, а на ней пулемёт, они уж ни за что не пропадут.

— Я следы увидал от сапог, — говорил танкист. — Ну, думаю, наша пехота топает. У фрицев-то подмётка вся в гвоздях, а у нас на каблуках дырочки. Я сразу понял, куда вы с дороги махнули. Следы пропали, и куст стоит... Залезай один на крышу, другой ко мне, к пулемёту, — поедem. К своим обязательно пробьёмся.

— У нас товарищ ещё... Раненый, — сказал Петухов.

Пехотинцам стало сразу тоскливо и одиноко. Ведь не бросят они Тимофеева, а везти его на тряской танкетке — значит погубить... Уж лучше бы проехал танкист стороной, и они не видели бы его!

— Так, — сказал танкист, — понятно. — Ему тоже не хотелось расставаться с солдатами. Они были для него сейчас как товарищи-танкисты, от которых он тоже отстал в бою. — Понятно, — ещё раз сказал танкист, — я гарантию даю: вместе бы мы к своим пробились. Ну да что делать!..

Танкист обнялся с Петуховым, обнялся с Исмагиловым, сходил к раненому, поправил шинель, которой тот был накрыт, покачал головой. Потом молча залез в танкетку. Затарахтел мотор, гроыхнули гусеницы. Танкетка исчезла в облаке пыли и дыма.

Когда улетучился запах бензина и осела пыль, Исмагилов и Петухов подняли носилки, снова зашагали по дороге. Теперь их путь пролегал по сухому песчаному взгорку. Серый песок расступался под сапогами, шаг получался короткий, тяжёлый. Солнце жгло огнём. Очень плохо было раненому. К носилкам над его головой Исмагилов пристроил навес из своей гимнастёрки. Солнце перестало бить в глаза Тимофееву, и он уже не стонал так громко, как раньше.

Опасным местом шли солдаты. Они были видны со всех сторон.

А если бы их заметил фашистский истребитель, от его пулемёта негде было бы укрыться. К счастью, вражеские самолёты проходили стороной.

Время было уже за полдень, когда на дороге снова послышалось гудение. Петухов и Исмагилов, словно сговорившись, разом опустили носилки на дорогу. В гудении чудилось что-то знакомое. Это возвращалась танкетка. Солдаты не верили своим глазам: к танкетке за оглобли была привязана повозка. Танкист, как оказалось, нашёл её в ручье, где она застряла, и тут же принял решение вернуться к пехотинцам.

Петухов, знавший пулемёт, залез в танкетку. Исмагилов устроился в повозке возле раненого. Танкетка выпустила синий дым, забренчала гусеницами и, как добрый конь, потянула повозку.

Ехали медленно, чтобы не растрясти Тимофеева.

День подходил к концу, когда справа от дороги грохнул снаряд. Ещё один снаряд перелетел дорогу и взорвался на левой стороне. Фашисты заметили танкетку.

Танкетка метнулась с дороги в ложбину. Повозку затрясло, раненый застонал, и Исмагилов обхватил носилки, чтобы как-то смягчить толчки.

Теперь фашисты не видели танкетку в ложбине и не стреляли. Нетрудно было догадаться, что они начнут погоню. Без разговоров наши солдаты принялись делать то, что сделали бы и другие опытные бойцы в их положении. Исмагилов и Петухов взяли носилки с повозки и заспешили с ними по густой, сочной траве к реке. Заросли ольхи, сырая чёрная земля, сама ложбина — всё показывало, что близко вода. Танкист же покатил в ольховник. Танкетка прошла в чащу и остановилась там. Танкист отвязал повозку, принялся забрасывать её ветками. Потом он вышел из зарослей и с дороги посмотрел на свою работу: повозка казалась замаскированным танком.

После этого танкетка углубилась в чащу и остановилась в стороне от повозки. Танкист выключил мотор, занялся пулемётом. Пулемёт был в порядке. Ствол сквозь листву глядел в ложбину.

Несколько веток могли помешать стрельбе. Танкист аккуратно сломал их и отнёс в кусты — ничто не должно было выдать врагу боевую позицию.

Танкисту на глаза попала черёмуха. Он сорвал несколько ягод — незрелых, ещё зелёных, только с одного бочка потемневших — и положил в рот. На языке была одна горечь, а ягоды казались

самыми сладкими на свете. Черёмуху он ел, может быть, в последний раз...

Река недалеко. За рекой свои. К ним можно пробраться, если сейчас же, не теряя дорогих минут, тронуться в путь. Но танкист подумал об этом, как о чём-то не касавшемся его самого.

Ему-то нужно было сделать так, чтобы пехотинцы, подобранные им на дороге, успели подальше унести раненого. И ещё он должен был истребить врага, который скоро сам придёт под огонь пулемёта.

Исмагилов с Петуховым в это время дошли до реки. Оба берега были тихими. Солдаты принялись рвать камыш и вязать из него плот, на котором можно было бы переправить носилки. Переправляться решили, как стемнеет.

Они рвали камыш и прислушивались. Никто не стрелял в этот час. Но Петухов с Исмагиловым знали, что выстрелы скоро загремят.

Исмагилов не выдержал напряжённого ожидания, спросил товарища:

— Что же не стреляют?

И как только он спросил, там, откуда ушли они, гроыхнул пушечный выстрел. Почти без промежутка ухнул взрыв снаряда. А после этих двух грозных ударов до реки донеслась долгая пулемётная дробь. Потом вернулась прежняя тишина. И как-то сразу пришла ночь.

Солдаты разделись, сложили пожитки в ноги у Тимофеева, поплыли в тёплой, как парное молоко, воде. Скоро плот с носилками пристал к своему берегу. К такому берегу, где была рота Исмагилова и Петухова, где был госпиталь с врачами, медицинскими сёстрами, санитарями, с хорошими лекарствами, с белыми бинтами и мягкой ватой.

Петухов медлил браться за носилки, о чём-то думал. И вдруг он радостно зашептал Исмагилову:

— А ведь жив танкист наш! Почему взрыв снаряда был сразу за пушечным выстрелом? Это немцы подвезли пушку и с близкого расстояния ударили по повозке, приняли её за танкетку. А танкист сбоку ударил по артиллеристам из пулемёта. Очередь-то была длинная, он целую ленту выпустил... Точно тебе говорю, жив танкист! Ведь после пулемёта всё стихло — ни автоматного выстрела, ни взрыва гранаты. Некому было стрелять в танкиста.

Всю войну Петухов, Исмагилов и Тимофеев — он поправился после раны — при первой возможности ходили к танкистам, всё надеялись увидеть среди них своего товарища. Но не увидели. Война-то шла на огромном пространстве.

Митяев, А.В. Шестой-неполный [текст]: рассказы о Великой Отечественной войне: [6+]/ Анатолий Митяев; рисунки Н. Цейтлина.- Москва: Детская литература, 1987.- 160с.: ил.